

ПЕРЕНАСТРОЙКА СОВРЕМЕННОГО ПРАЗДНИКА

RECONFIGURATION OF THE MODERN FESTIVAL

Е.А. Дичковская

К.А. Dzichkouskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: katerinadi@yandex.ru

В статье автор обращается к трактовкам понятия «праздник», которые подчеркивают его эмпирическое измерение, включая повторное зачарование, ритуализацию и создание наследия. Праздник рассматривается в контексте традиции. Утверждается, что традиция является основополагающей стратегией, связывающей человека с идеализированным прошлым; она сформирована выживанием и построена на инновациях. Праздничные традиции характеризуются пластичностью, вниманием к постоянно меняющимся социальным условиям и основаны на механизмах десемантизации их значений.

The article attempts to shed light on some of the new paradigms and concepts of the festival, which emphasize its empirical dimension, including re-enchantment, ritualization and heritage-making. Special attention is focused on social mobility and variations that affect traditions. It is argued that tradition is a fundamental strategy that links to an idealized past, it is shaped by survival and built on innovation. The flexibility of festive traditions to constantly changing social conditions is based on the mechanisms of desemantization of their meanings.

Ключевые слова: праздник; традиция; ритуализация; культурное наследие; культурные изменения.

Keywords: festival; tradition; ritualization; cultural heritage; cultural changes.

Праздничная традиция является объектом европейской этнологии с момента основания дисциплины до сегодняшнего дня.

Современный праздник связан с тремя понятиями, которые подчеркивают эмпирическое измерение праздничных традиций: повторное зачарование или возвращение очарования, ритуализация и создание наследия [1, с. 5]. Символическое богатство, адаптивность и изменчивость праздничных традиции проявляются в ряде творческих черт, в которых социальные структуры, культурные элементы, постмодернистское медиапространство и новые формы коллективных организаций и действий сливаются и неразрывно взаимодействуют.

Возрождение критического научного интереса к традициям праздничного или ритуального [2] характера идет рука об руку с возрождением традиционных праздников, особенно в сельской или полугородской местности. В более структурном смысле праздники провинциальны, потому что они подчинены в своих национальных контекстах и внутри европейского пространства. Праздники являются периферийными узлами постиндустриального, неолиберального мира, причем такими узлами оказались богатые и культурно динамичные мегаполисы запада. Провинциальное население полусельской или полугородской местности затянато между любовью к селу и городскими амбициями, часто пребывает в состоянии ожидания на полпути между двумя полюсами деревни и города не только географически и социально, но и символически и экзистенциально. Именно в таких контекстах произошел всплеск праздничной активности в годы сразу после Второй мировой войны, но уже к концу 1950-х эта активность сошла на нет, и празднества пошли на убыль. Падение продолжалось в течение 1960-х годов. Перед лицом прогресса индустриальной, городской, а затем и медийной гомогенизации исследование праздничной культуры было низведено до статуса фольклора и идентифицировано как страсть ностальгирующих по ушедшему прошлому.

Но в 1970-х началось обратное движение, расцвет политики идентичности (национальной, этнической, гендерной, возрастной). Восьмидесятые годы XX века вызвали оживленное движение праздничного возрождения [3, с. 7]. Эти годы характеризуются новым спросом на массовые праздники и фестивали. Восьмидесятые и девяностые годы XX века можно охарактеризовать как время настоящих праздников, когда праздник стал представлять собой продукт массовой культурной инженерии. При междисциплинарном сближении происходило не только интенсивное накопление знаний о празднествах античности, средневековых народных гуляниях, городских и гастрономических праздниках, карнавалах, но и переопределение природы концепта «праздник» и ключевых понятий, связанных с изменением выбора единиц анализа, эпистемологическими преобразованиями и диверсификацией источников. Фокус внимания был сосредоточен на концепции праздничного ритуала, и акцент сместился с изучения праздника сельских общин на городской праздник, все более интегрируя процессы глобализации в объяснение локальных изменений культуры.

Изучение и осознание гносеологического статуса праздника также определило его реконструкцию. В то время как сельские праздники компактной и однородной общины, такой как деревенская, устраиваемые на площади или по случаю религиозных празднеств, перестали со-

держат приписываемые им значения в результате процесса десемантизации традиционных значений и появлении новых смыслов [4, с. 88], исследования постепенно сориентировались в сторону развития городского праздника и изучения феномена ревитализации. Термин ревитализация используется для обозначения широкого круга изменений, которые в последние десятилетия спровоцировали не только возрождение ритуалов, но также и изобретение новых празднеств.

Гипотеза о связи между поездками на работу из пригорода в город и обратно и праздниками обоснована и весьма логично объясняет причины возрождения праздничной культуры. Современные пассажиры социального явления, состоящего в регулярном перемещении работников из городского населенного пункта в сельский и обратно, являются главными организаторами традиционных праздников, восстановленных сообществом, находя в них ориентацию и уверенность в жизни в меняющемся и небезопасном мире. Очевидно, что праздник направлен на создание онтологического доверия и безопасности.

В традиционных обществах, где социальные отношения определялись местом, локальное сообщество, обладавшее малой мобильностью и характеризовавшееся относительной изоляцией, представляло собой четко определенную систему. В отличие от таких корпоративных моделей, современная среда благоприятствует постоянной мобильности и живет за ее счет. Субъект вынужден делать постоянный выбор, выстраивая собственную идентичность как проект, вытекающий из размышлений. Каждый индивидуум самостоятельно определяет форму интеграции и степень вовлеченности в проект, но публика праздника (актеры и зрители) создается как местными жителями, так и иногородними, приезжими, которые «настраиваются» на праздник благодаря средствам массовой информации.

Современный праздник понимается эмпирически и контекстуально как коллективный феномен большой сложности, возникший в диалектическом отношении к повседневной жизни, парадоксальной трансгрессии социального порядка и его продуктивной рациональности. Он выражает и утверждает ключевое измерение существования сообщества, которое приводит в действие самые разнообразные регистры социальной жизни: время вне времени, вычтенное из отрезка времени и подвешенное в радостном экстазе наполненности, является неким исключением, но цикличным и повторяющимся; традиция, порождающая спонтанность, игривость и самодостаточность, но в то же время являющаяся источником неясной сакральности. В праздничной среде и времени процесс социализации становится более интенсивным, поскольку чувство общей связи, выходящей за рамки иерархий и социальных условий,

питается и усиливается, чтобы привлечь глубокое чувство жизни группы, выраженное и подчеркнутое богатым символическим и ритуальным распространением. Праздник – это коллективное действие, в котором празднующие и прославляемые объекты, идентифицируемы или перепутаны в зависимости от контекста. Праздник не принадлежит области рационального, но объяснить его, исходя из иррационального, невозможно. Праздник находится в метарациональной сфере харизмы и состоит из символически-ритуального действия, которое, как и метафора, обладает необычайной способностью пробуждать и утверждать реальность, недоступную прямому описанию, реальность, которую только игра обрядов и символов может представлять вместе с нарушением обычных значений нашего языка и поведения. И хотя никто не отождествляет праздник с обрядом, тем не менее, какими бы тонкими ни были его черты, в рамках любой праздничной программы присутствует обряд. Понятие обряда претерпевает постоянный семантический дрейф под воздействием более узкого его использования, включая трансцендентность и священное, и широкого использования, включая формальные признаки и повторяющееся поведение. Исследования ритуала и формулирование теории «гражданских религий» охватили разрозненные темы. Широкое разнообразие действий, которое стало анализироваться как паттерны ритуализованного поведения, свидетельствует о множестве форм праздничных составляющих: агрессия и борьба, песни, игры, спорт, драма, танец, юмор и искусство. Ритуал стал отождествляться с формальными коммуникативными функциями почти во всех или в большинстве видов деятельности. Кэтрин Белл предложила термин «ритуализация» [5, с. 73], расширив понятие почти до бесконечности. Частичное совпадение ритуала с такой категорией коллективного действия как праздник очевидно.

Изучение праздников подтверждает не только их бесспорную жизненность в современном обществе, но и их метаморфозы, радикальный характер которых требует дальнейшего изучения. Среди основных изменений и тенденций развития праздника можно выделить трансформации, которые относятся к хронологии (дата празднования, программа), к синтаксису застолья, касаются его семантики (объект) и, наконец, его социальной логики (субъект).

В отношении хронологии праздника, его темпоральной логики, следует отметить растущее осознание сложного пересечения, существующего между праздником и временем: во-первых, праздник интерпретируется в диалектической связи с повседневной жизнью, в конституирующем характере социального времени, во-вторых, циклические праздники отделяются от случайных, которые являются частью систе-

мы. Современность постулирует разрушение традиционного порядка времени, что привело к подавлению одних праздников, ускользанию других и процессу концентрации вокруг самого главного праздника, который охватывает праздничный период. Но самое значительное явление заключается в том, что локальная организация времени теперь эксплицитно интегрирована с универсальными ритмами и моделями, с общей организацией, типичной для индустриального общества и сферы услуг. По этой причине даты празднования изменяются, каждый год адаптируясь к календарю; даже периоды, посвященные большим праздникам, постоянно расширяются, чтобы освободить место для накопления праздничных сегментов, посвященных возрастным группам, государству, профессиям и социальным слоям. Они структурированы путем дозирования периода празднования до такой степени, что пределы каждого праздничного цикла в целом больше не являются фиксированными. Нарушается синтаксис праздничной системы, перестраивается ее макет расположения в календаре как в соответствии с логикой современности, так и внутренней последовательностью праздника, его программой, преемственностью и порядком проведения торжеств.

Праздник переплетается со временем и в других смыслах. С одной стороны, воображаемая приостановка его длительности должна быть завершением времени; в праздновании прошлое, настоящее и будущее смешиваются с сильным беспокойством, чтобы произвести желаемый эффект: настойчивый призыв даже самых неуместных жестов и действий в преемственности с прошлым и подчинение властному диктату традиции, несомненно, направлен на создание прочного, абсолютного фундамента настоящего и будущего сообщества, на создание доверия и смысла существования. Эпоха, спроецированная в будущее, подобная нашей, формируемая постоянными технологическими изменениями, делающими знания устаревшими и непрерывно обесценивающими прошлое, порождает нестабильность и парадоксальным образом отбирает и превращает определенные объекты и ритуалы в неосязаемое. Чем более поддающейся манипулированию становится история, тем более необходимо установление абсолютного символического основания. С другой стороны, историческая наука научила нас различать формы темпоральности, которые смешиваются в любом социальном явлении: длительные периоды векового постоянства, медленные колебания, связанные с изменениями в социальной структуре, чередующиеся движения и нововведения, подчиненные непререкаемым законам трендов. Таким образом, выживание и новаторство постоянно переплетаются, потому что традиция есть основополагающая стратегия, которая узаконивает действие, легализует его практику, связывая с идеализированным про-

шлым. Некоторые праздники отмечаются веками в различных социальных формациях и сохраняют нетронутыми какие-то формальные черты, однако трансформируют свои значения и функции через процесс десемантизации смысло-содержательного наполнения, постоянно обновляясь и приспособляясь к потребностям своих субъектов [4, с. 88].

Взгляд на эволюцию праздника позволяет заметить распространение черт, которые трансформируют и гомогенизируют современную его форму. Хотя некоторые черты характерны не только для современности, именно они заняли главенствующее положение и получили совершенно новую интерпретацию. Можно указать на два изменения, относящихся к праздничному языку, которые принимают менее обобщенную форму, но сохраняют ту же гомогенизирующую тенденцию: первое – это процесс смягчения «цивилизации», состоящий из проявлений, оскорбительных для современной чувственности, второе – совместная беспорядочная игра. Под этим термином мы подразумеваем быстрое распространение празднеств, состоящих из безобидных драк, в которых преобладают телесные контакты. Участники оказываются пропитаны влажными веществами, запахами или искрами продукта, используемого в качестве оружия (помидоры, вода, пена, огонь или порох). Современные программы также характеризуются уменьшением количества присутствия собственно ритуальных действий и расширением состязаний, игр и церемоний. Так, Буассевен, отмечая уменьшение формальных аспектов религиозного ритуала перед лицом увеличения игровых аспектов (маскарадов, театра, музыки, фейерверков и других спонтанных и беспорядочных уличных мероприятий), интерпретирует ритуал и игру как конститутивные полярные измерения каждого праздника [3, с. 139-140].

В интерпретации используется семантический подход, относящийся к содержанию праздника, то есть к объекту торжества, как к еще одному показателю секуляризирующей тенденции, которая действует в нем и влечет за собой замену преобладания рефлексивности преобладанием транзитивности. Говоря о секуляризации, мы имеем в виду не искоренение религиозных праздников, а лишь их культурную сегрегацию, плюрализацию жизненных миров, маргинализацию значений, привносимых церковным институтом, что приводит к неизбежному индивидуальному отбору по типу и степени участия и причастности к празднику. Поэтому трансцендентность не отбрасывается в пользу имманентной безусловности, а скорее приписывается теперь воображаемой общности локального или этнического «мы»: пока она выражает эту обусловленность, праздник не теряет своей сакральности, трансформируя содержание и форму празднования через процессы десемантизации [4, с. 88].

Фрагментация праздников для любого общества является идеальной формой фиксации традиций. Субъект застолья в современности модерна переживает радикальную и амбивалентную трансформацию: с одной стороны, происходит растущая индивидуализация формы, в которой человек участвует в праздничном событии, и утрата определенности коллективных субъектов; с другой – происходит пролиферация специализированных ассоциаций. Обе черты связаны и взаимно имплицитны.

Возрождение праздника и появившийся к нему интерес поддерживались на массовом уровне и в то же время были новыми способами «институционализации прошлого» [6, с. 138], приобретая черты многоцелевого процесса. Последние десятилетия характеризуются новой волной музеефикации местных традиций, беспрецедентным ростом интереса к наследию, но не только в целях поддержания идентичности. По мнению Йонаса Фрикмана и Питера Нидермюллера культурное наследие, традиции и фольклор – это лишь некоторые из ресурсов, на которые люди могут опираться для согласования представлений о самосознании и самоидентификации [7, с. 4]. Такие соображения в настоящее время широко приняты этнологами.

К концу XIX века культурное наследие стало мощным и действенным политическим инструментом для укрепления национальной идентичности в государственном управлении. Праздники вошли в сферу культурного наследия как образцы прошлого и эмблемы жизни предков, демонстрируя все более и более промышленному городскому населению корни и существенные черты национального самосознания. Управление культурой в то время способствовало формированию определенного воображаемого образа идентичности, а традиция была одной из модальностей, используемых для вовлечения местного населения в целостный и исключительный проект государственности, основанный на частично вымышленном прошлом. Традициями, пришедшими из прошлого, было легко манипулировать, они были достаточно податливы, чтобы соответствовать желаниям политической элиты. Сегодня традиции по всей Европе стали использоваться для развития индустрии туризма.

Создание наследия – это не только способ трансформации и новое моделирование традиционного содержания как такового, это также возможность для людей, отвечающих за сохранение памяти о прошлом и управление культурой, придумывать и строить свои собственные концепции, основанные на том, что они считают ценным. Сохранение культурного наследия – важная задача современного общества.

Таким образом, реконфигурации наследия представлений и объектов, считающихся традиционными, подразумевают не только трансформацию ритуалов, нарративов или эстетики: перенос местного празд-

ника из обыденной жизни в новую среду требуют глубокого понимания сущности традиции и бережного отношения к культурному наследию.

Итак, такие понятия как повторное зачарование, ритуализация и создание наследия лежат в основе эмпирического измерения праздничной традиции современного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Testa A. Reconfiguring Tradition(s) in Europe: An Introduction to the Special Issue. *Ethnologia Europaea* // *Ethnologia Europaea*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 5–19.
2. Santino J. The Ritualesque: Festival, Politics, and Popular Culture // *Western Folklore*. Western States Folklore Society, 2009. P. 9–26.
3. Boissevain J. *Revitalizing European Rituals*. London & New York: Routledge, 1992.
4. Дичковская Е.А. Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов // *Вести Института современных знаний имени А.М. Широкова*. 2018. № 3. С. 85–90.
5. Bell C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. Oxford University Press, 1992.
6. Macdonald S. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. Routledge, 2013.
7. Frykman J. *Articulating Europe: Local Perspectives*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2003. P. 3–6.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТА О «НЕВЕСТЕ ВЕТРА» В ПОЭЗИИ И ЖИВОПИСИ АВСТРИЙСКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

INTERPRETATION OF THE PLOT ABOUT THE “BRIDE OF THE WIND” IN POETRY AND PAINTING OF AUSTRIAN EXPRESSIONISM

А.С. Камаева

A. Kamayeva

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: askamayeva@gmail.com

Цель данного исследования – выявление особенностей интерпретации античного сюжета о «невесте ветра» в поэзии и живописи австрийского экспрессионизма. В качестве объектов исследования выступают стихотворение «Ночь» («Die Nacht») Георга Тракля и картина «Невеста ветра» («Die Windbraut») Оскара Кокошки. Доказывается, что сюжет о «невесте ветра» был переосмыслен в творчестве австрийских экспрессионистов в соответствии с их мировоззрением и периодом истории, в который они творили (1910–1920-е гг.).

The purpose of this study is to identify the peculiarities of the interpretation of the ancient plot of the «bride of the wind» in the Austrian expressionism.